

Настасья Кергеданова

ЛУННЫЕ СКАЗКИ

Настасья Кергеданова

Лунные сказки

«Издательские решения»

Кергеданова Н.

Лунные сказки / Н. Кергеданова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507705-9

Ускользящие сны, которые так хочется поймать за хвост. Миры, в которых мы никогда не побываем. Память, причудливо переплетённая с фантазиями. И единственное место, в котором хранятся эти сны — Луна. Совершите увлекательное путешествие по бессознательному. Посмотрите, что на обратной стороне Луны, и, быть может, именно вам повезёт прихватить с собой одну из её сказок.

ISBN 978-5-00-507705-9

© Кергеданова Н.
© Издательские решения

Содержание

Бар Bright Midnight	6
Ответы	7
Лиссания-Лиссиан	8
Триста десять дней и один високосный год	12
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лунные сказки

Настасья Кергеданова

© Настасья Кергеданова, 2019

ISBN 978-5-0050-7705-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бар Bright Midnight

Мой бар стоит на углу Мельничной аллеи и улицы Мысликова. В нём картины Мухи в рамках от Сальвадора. Вместо барных стульев кресла такого рода, что легче взять за стойкой бухла и напиться стоя.

Мой бар небогат, в нём половицы скрипят и нет четырёх ламп на люстре. Сантехник Иван Петрович спился, и теперь в лаваториях не только дубак, но и смыв через шестое чувство. Обои содрали ещё при Коле Саныче (который владелец другого бара, снесённого по ошибке): выкручиваюсь как умею; забила стены досками и сукном с бильярдных, доставшихся по наследству (от тётки, живущей в Англии, о которой узнала на вписке).

Мой бар – чемодан с фантастическими тварями. Пушкин, Байрон, де Сад, брат Ван Гога, жена Гогена и собака Тургенева вприкуску с байками и чёрствыми снами абсент пожирают за ночь. Абсент, между прочим, добыт двумя смертями (по крайней мере двое из тварей об этом прекрасно знают). Добыт и доставлен подпольными норами сквотов из Амстердама в Париж, из Парижа в Данию, оттуда каким-то чёртом в, прости господи, Германию; лишь с района Кройцберг (непосредственно через Преториуса, естественно) абсент доставляют в Прагу. Давно думаю сменить поставщика: с Амстердама до Праги, если срезать через бар, два квартала.

В моём баре по средам поёт Джим Моррисон, а по пятницам инструменталит Кафка. Получается так себе, но посетителям ничего другого не надо. Коктейли мешает ужратый Дионис, путая маргариту с вином острова Лесбос (на котором он болтал с головой Орфея, о чём в сорок пятый раз говорит какому-то человеку по кличке Гея). Когда валится с ног, его подменяет парень из Восточного Бруклина, имя которого для пьяного тела непроизносимо. Поэтому все зовут его Саня.

Саня, не покладая шейкера, мутит дичь с белками яиц и сливками 20%. «Кулинар», – со смешком говорит женщина явно вымышленной природы. В мой бар таких не пускают, но ей, пожалуй, можно. Женщина, кстати, является каждый вечер субботы, жалуется на мужа и тычет всех носом в свои переводы.

Мой бар открывается в восемь, на паспорт никто не смотрит. «До последнего посетителя» – это для тех, кто не боится Джеральда с битой на входе. Здесь правило только одно: не глазей на мёртвых. Общайся, как будто живые. И сам ты живой. До закрытия в полдень.

ОТВЕТЫ

Никогда не ищи ответов, не задавай вопросов.

Ты ведь не хочешь быть один, изо дня в день провожая сутки. Распахнув глаза, выискивать перемены в камнях. Тебе не нужно горе осознания, когда всё счастье – в неведении. Ты не готов идти забытыми тропами через вереницу дождей и промозглые горные кручи лишь затем, чтоб, остановившись, увидеть мощь прибрежных волн. И не готов не находить пристанища, ведь знающий не властен больше над ногами – нет дома, нет приюта, нет никого вокруг.

Не задавай вопросов, никогда не ищи ответов.

Ведь сладко спится с кем-то рядом, и старость поджидает ласково. Вот ты уже отец, вот – дед. И смерть не кажется тебе неизбежной, она ведь с самого начала часть тебя. Ты никогда не смог бы удалиться в пучины океана, чтобы там, на дне, найти удушливые шлейфы смертных истин, испытать их. Остаться там – вне времени и силы. Ты не желаешь видеть – это ведь так больно, – как мир вокруг тебя кружится вихрем, а ты лишь наблюдаешь. Вне его.

Не задавай вопросов.

Ведь страшно, глядя в небо, понять языческие танцы чёрных птиц. Невыносимо, глядя в горы, услышать шёпот меди и алмазов. Узнать, прислушавшись, о чём тебе кричат ветра во время шторма.

Никогда не ищи ответов.

Не будет тебе счастья. Не будет ни покоя, ни одиночества, ни чувства, что ты кому-то нужен. Ответы не дадут тебе эмоций. Ты истребишь себя, оставшись вечным не-собой для мира. Не задумываясь, кто ты. И есть ли ты вообще.

Ступай к своим. Смотри на них. Пой и танцуй, ешь, пей, жуй «Орбит», бойся пламени и темноты, смейся над чужими шутками, плачь от восторга или скорби. Но никогда – я заклинаю, – никогда не задавай вопросов. И не ищи ответов.

Лиссания-Лиссиан

В Лиссиане часто выдаются такие погожие деньки – снежно-белое небо словно соревнуется с кроваво-красной травой бескрайних лугов старых, как сама Вселенная, полуразрушенных, некогда величественных гор, а ветер мягко колышет листву высоких анcharов. Воздух наполняется умопомрачительным ароматом чёрных роз природного сада, и вот уже скоро – жди секунду! – прольётся медленный дождь аквамариновых чистых капель, чтобы застыть на мягком бархате лепестков.

Здесь же – в Лиссании – самые красивые реки и самое ласковое солнце. Алмазные струи ручьёв дни напролёт играют с еле ощутимыми вязкими лучами красноватого света, который, если с чем и сравнивать, можно на Земле встретить в вечерней саванне волшебной Африки. А сегодня – в один из погожих деньков – было особенно упоительно заниматься наблюдениями. Тот, кто имеет богатое воображение или повышенное чувство Голоса Лиссиана, может даже понять, о чём говорят две непобедимые вечные стихии.

А дальше – бесконечные синие волны лесов с широкими глянцевыми листьями. Когда солнце поднимается на востоке, лес зажигается невообразимым голубым пожаром, слепя наблюдателя, заставляя его сердце замирать в восторге, и это удивительное нежгущее пламя обязывает человека клясться себе: «Вечно, сколько бы раз я ни наблюдал эту картину, буду умирать от восторга на целую секунду». И как ни странно, эта клятва всегда исполняется им. Днём (сейчас, например) океан леса мирно дышит величественным спокойствием, перешёптываясь ленивыми замечаниями с равнинами и мириадами рек, нашедших убежище среди высоких синих деревьев, и никто, даже солнце, не способен изменить этот лес.

Если обратить свой взор на север, можно обнаружить горы. Это непростые горы, и чтобы почувствовать это, вовсе необязательно слышать Лиссанию. В этих вершинах живёт тёплая душа Лиссиана. Через твердь она разговаривает с другими мирами и космосом. Энергия перетекает во все части этой земли – от гор питаются и реки, и лес, и поля, и даже независимое солнце, а люди, поселившиеся здесь, каждое утро воздают хвалу недостижимым кручам, устремив туда всё своё ничтожное существо. На душе Лиссании лежит вечный снег, который в такие дни, как этот, полностью сливается с небом, и твердь земная сливается с твердью бесконечной, и сердце с душой замирают от такого зрелища. Можно почувствовать единение с этим призрачным миром, даже если ты здесь всего лишь гость. Те, кто бежал сюда, говорят, что достаточно одного дня, проведённого наедине с природой Лиссиана, чтобы остаться здесь навсегда.

Можно упасть в объятия красной травы и понять, что такое счастье – именно в такой погожий день, как сегодня.

Но так было не всегда. Когда-то давно, до первого удара сердца Кришны и Наи, эта земля была неприступной и пустынной. Вечный мрак царил над горами, венчанными блекло-чёрным снегом, и кроваво-красные реки, отравленные кровью войны, текли по пустыням. Леса здесь нет уже триста лет – вся древесина, богатая энергиями, ушла на сотворение изошрённого оружия и страшного яда. Лиссания была обителью Ангелов, и дым их энергий затмевал даже звёзды.

Мир, созданный Люцифером, подчинён алчности творений Бога, которые впали в безумие гражданской войны.

Бог учредил ранги и звания. Слабые, но ревнивые Ангелы, затаив злобу на более достойных, начали бить исподтишка, совершая убийство за убийством. Ангелы-солдаты до того нарабатывали опыт, что смогли уничтожить даже Первородных Архангелов. Никто не собирался вмешиваться. Это было сделано специально, чтобы остались сильнейшие и хитрейшие посланцы Божьи, ведь в будущем их ждёт не самая благодарная работа, не самая завидная участь.

Но сейчас – в беспроглядном мраке – лишь изредка мелькают роскошные перистые крылья готовых ко всему Ангелов.

– Восьмой Легион пятого Зала Света затих, – сообщил разведчик Михаэль, подлетая ближе к своему командиру. – А их союзники вовсе покинули Лиссиан.

Ангел с пепельно-русыми волосами и необычным острым лицом промолчал. Его платиновые чистые крылья рассекали черноту, то выгибаясь, то прогибаясь под потоками штормового ветра. Пронзительные змеиные жёлтые глаза сверкнули сталью...

– Амон, что нам делать? – в замешательстве поинтересовался разведчик, плавно снижаясь.

– Ждите, – твёрдо прозвучал его низкий тёмный голос. – Они дадут о себе знать.

Две пары крыльев затрепетали и сложились, и два силуэта, приземлившись, синхронно выпрямились, но только Амон зажал в кулаке безжизненную багровую почву, тихо усмехнувшись, глядя в темноту и стиснув зубы.

В погожие дни, такие как сегодня, в это уже трудно поверить, и только горы на севере помнят, как Первородный Ангел сделал невесомый, тихий шаг в пустоту.

Я вздрогнула от внезапного видения, и солнечный свет подхватил его остатки, бережно хороня там, где Амон когда-то набирал землю в кулак. Я глубоко вздохнула и огляделась по сторонам. Мой Дом... Мой истинный Дом – такой, каким я его сделала после тех тёмных времён войны. Лиссания не была бы такой, если бы мне не пришлось в голову усовершенствовать Алгоритм этого творения. Не было бы ни океана леса, ни аквамаринового дождя, ни даже рек или солнца. Никто не увидел бы прелести моего края, если бы не долгие тысячелетия кропотливой работы.

И отчего бы мне беспокоиться сейчас? Но тревога коснулась сердца. Я знаю Амона. Очень много раз судьба сводила нас, но столько же и разлучала. Видение воскресило в моей памяти его пронзительный янтарный взгляд, и я в который раз повторила себе: «Он будет ждать». Кому, как не мне, знать, что Амон способен ждать вечность?..

– Лилит? – окликнул меня знакомый голос, и я облегчённо вздохнула. – Что с тобой?

Я с улыбкой и в замешательстве обернулась, безошибочно впившись в сапфировые сальмарионские глаза. Он тяжело вздохнул и протянул мне руку, которую я охотно приняла.

– Что же мне с тобой делать? – задумчиво протянул он, сжимая меня в крепких объятьях.

– Ничего, – тихо ответила я, поражаясь звенящей певучести задетого покоем голоса. – Это же моя земля. Её память – моя память.

На это он отреагировал глубоким вздохом, и я в который раз заслушалась его сердцебиением.

Мы говорили нечасто. Уже столько эпох прошло, и так случилось, как случается у всех Тёмных, проживших долгое время вместе, – наши разумы слились воедино, и теперь слова были глупы. Мы оба могли безошибочно определить, когда кто-либо из нас вернётся, где находится, о чём думает, что собирается говорить какому-либо гостю, и даже знали память друг друга. Не было недомолвок, лжи или фальши. Мы Любили друг друга так, как не Любили бы целую Вселенную. Внутри умиротворение... А общаемся мы жестами.

В Лиссиане мы с ним уже довольно давно – затишье после второй Бури шло порядка миллиарда лет, а из этого миллиарда вне Лиссании мы провели всего-навсего полтора миллиона. За время покоя и умиротворения мы сделали много магических открытий и научились понимать друг друга на высшем уровне.

Я благодарила Лиссанию каждое мгновение, а не только по утрам, как местное население. Потому что знала – это время пройдёт, ведь ничто не вечно. По давнему закону колебаний рано или поздно грянет третья Буря, и я не вправе буду оставаться в стороне, как и он. Мы уйдём в войну с головой, забыв о миролюбии. Ведь он Первородный Демон, а я Высшая.

– Волчица, волчица, – качал он головой и выдыхал, ведя меня в дом. А я улыбалась, согретая теплом его крови.

Ночью мы сидели у камина – он в кресле, а я устраивалась на полу, обхватив руками его ноги. Мы смотрели в огонь и наслаждались полным безмыслием.

Когда небо размывало чёрным углём, на его поверхности высыпали, как бешеные пожары, раскалённо-белые звёзды, и мрак обращался в яркий серебряный день для нас – для тех, кто видел и блуждал во тьме. Млечный Путь обращался в живого небесного дракона, плывущего по космическим просторам, ослепляя соседние миры блеском своей непробиваемой чешуи. Воздух становился холодным ночью, и под этим величием чёрные розы распускались своим самым прекрасным цветом. Бархат лепестков ловил звёздную пыль, и вот уже чёрный искрится серебром, как обсидиан, вправленный в отполированное непальское кольцо.

Люди перестают видеть лес, но мы хмелеем от великолепия его красоты. А каким чудом становятся реки!..

Услышав пение Элиров, мы выходили с ним наружу и долго танцевали, разжигая звёздные костры в небе лишь для себя; их никто не мог увидеть. А после, обласканные прохладой ночи, окунались в реку, тёплую, словно парное молоко, и отдавались власти инстинктов.

Долгие ночные часы, обратившись в волков, мы бегали в лесу, забыв обо всём, сосредоточившись лишь на невероятной силе в упругих бесшумных лапах. В моей снежной шерсти запутывались звёзды, в его белесой – слепящим следом отражалась лапа Млечного Пути. Глаза горели... Дыхание обжигало. И мы чувствовали свободу.

Мне всегда нравилось обращаться в волчицу. Это было высшим проявлением честности, чести и воли, на какие только могло быть способно моё сознание. Не нужно ни говорить, ни притворствоваться... Все мысли – в ночи, и взор устремлён в светлость звёздного мрака. Только ветер и шёпот деревьев...

В преддверии рассвета мы, приятно устав, возвращались домой и засыпали на тёплом ложе, нежно сплетаясь в невинных объятьях. Мы с ним могли проспять целые сутки, пока люди работали в полях, укутавшись в лохматые лучи дневного света, а просыпались мы от проникновенного тёплого, мягкого дождя.

Зимой этот дождь лил несколько недель беспрестанно, но потом смолкал, уступая место багровым, как трава, тяжёлым, низким облакам, которые я так любила доставать рукой, взмыв в небо, и которые так долго разглядывал тот, кто был рядом. Но и эти пары вод и земли рассеивались, как только Ильферины вскакивали на своих коней и объявляли начало весенней охоты.

Однажды мы не дождались этого сигнала. Грянула первая Волна третьей Бури, и мы, переглянувшись, тихо вздохнули, поднялись и вышли из дому. Я посмотрела на Лиссиан с вершины горы, с самого высокого шпиля. Закрыла глаза, вдохнула полную грудь воздуха и забрала отданную мною душу. Лиссания дико застонала, и от этого стога моё сердце разорвалось пополам. Лишь крепче зажмурившись, расправила кожистые тёмно-синие крылья и в десять взмахов миновала воздушное пространство планеты.

Он летел рядом. Молчал. Чувствовал мою боль... и осмелился взять за руку.

– Лиссиан долго не просуществует, – не скрывая боли, вымолвила я. – Мефазм... Разве эта земля такое заслужила?..

– Тихо... – он остановил меня в Пути и крепко обнял. Я решила тогда, что заплачу. – Не думай ни о чём. Успокойся...

Так и не заплакала.

Лиссания пала три года спустя. Ильферины погубили людей, и планета сгубила саму себя, потому что не находила в своём чреве должного равновесия.

А у нас шла своя война. Эзиэкиль и Люцифер угодили в переделку, которую мне удалось миновать (быть точнее, меня выгнали из команды), и ещё удалось подоспеть к тому моменту, где мы смогли спасти Асамара от гибели. Случился Суд, где мне посчастливилось порядочно

урезать срок Эзиэкилю, пусть пришлось биться порядка трёхсот лет. С Люцифера были сняты все обвинения, как мне тогда сказали. Солгали. Но речь не о том.

Третья Буря прошла быстро, как-то незаметно, словно в тумане. Шла она долго... Но я могу припомнить лишь жалкие обрывки. Видимо, сказывается срок давности...

Да и о чём дальше говорить. Лиссании, как её называл Мефазм, больше нет. И здесь, на Земле, мне остаётся только предаваться призрачным воспоминаниям. Свеча догорает. В окна бьёт рассвет. И я счастлива лишь по одной причине...

Тот, кто был рядом, но уходил в смерть, лежит здесь, обласканный алой зарёй. И я улыбаюсь.

Триста десять дней и один високосный год

Глубокая осень двадцать пятого года нового столетия выдалась особенно интересной. И не тем, что было аномально холодно, а тем, что листья облетели за один день: только моргнул – и будто не было золота на засыпающих деревьях. Листва засыпала дороги города красными, жёлтыми, перламутровыми красками, даря людям последнюю возможность насладиться чем-то ярким перед скучной зимой. Осень старалась изо всех сил, а люди только жаловались: застудит полстраны, да ещё и Румынию заденет; опять переходить на зимнюю резину; ещё чуть-чуть, и повалит снег; у моей бабки опять ломит кости.

Но кого волнуют эти глупые жалобы на погоду? Скоро наступит зима! До неё осталось так мало – всего двенадцать дней. Скоро они смогут зайти сюда и посмотреть, как изменился город за последний год, кто успел родиться, кто переехал, сколько домов понастроили, а сколько из них опустели и теперь будут вынуждены в мучительном одиночестве и пустоте проводить долгие годы, утешаясь только днём и зимой. Днём – потому что можно почувствовать свет в душе, будто вот-вот вернётся любимая семья. Зимой – потому что в город приходят они. Эти «они», как добрые волшебники, разрисовывают окна белоснежными узорами и радуют всех красотой и симметрией матери-природы, ведь они являлись её верными посланниками и, как бы странно ни прозвучало, в отличие от людей, ещё и прямыми наследниками.

А он был одним из этих многочисленных «они», и его впервые занесло в мир человека, где, оказывается, есть что-то, похожее на него самого, – зима. Он был очень удивлён, когда увидел себе подобного. Собрат сообщил, что нынче «их» не добирается и из скромных резервов призываются такие, как он, – никогда не видевшие ничего, кроме темноты и пустоты. И можно понять его волнение, которое не унималось месяцами. А последние двенадцать дней для него были такими болезненными и колкими, что он целые сутки напролёт ходил туда-сюда по облаку, уставившись в ноги и не поднимая взгляда на своих товарищей. Они поначалу смеялись над ним, но затем начали беспокоиться о брате. Ведь так и до сумасшествия недалеко.

– Почему нужно так долго ждать? – негодовал он всю ночь. – Почему нельзя убрать эти двенадцать дней из календаря и просто дать нам уйти в город? Почему?

А в городе тем временем уже смели все листья в одинаковые кучки, которые с удовольствием раскидывали дети. Дворники гоняли негодников, но снова и снова тротуары и парковые дорожки искрились промокшими яркими пятнышками.

Они ждали, наблюдали издали, чтобы не нарушать хрупкого равновесия природы и не получить от Главного подзатыльников раскалённой железной перчаткой. Как жаль, что с такого расстояния невозможно увидеть всего великолепия осени. Но каждый из них верил, что когда-нибудь, когда они родятся людьми, они узнают, что такое осень, лето или поздняя весна, что смогут вдохнуть её аромат... А сейчас они только дорисовывали в воображении то, что оставалось там, далеко внизу. Если говорить откровенно, то только один из них имел приличные представления о том, что было описано. Он, никогда не видевший ничего, но знающий многое, много слышал о таинствах природы от пустоты. Но ему казалось, что его воображение нарисовало всё настолько тускло, что, спустись он сейчас вниз, непременно ослеп бы от красоты.

Мир человека – есть ли загадка более сложная, чем эта? Он знал все тайны мироздания, прекрасно представлял себе суть космоса, но вот люди, о которых даже пустота предпочла умолчать (будто с неё когда-то взяли расписку о неразглашении), не могли чётко прорисоваться в сознании. Может, они похожи на него? Две руки, две ноги, прямая красивая спина, белая кожа, прозрачные глаза, исполненные живой летней зеленью, тёмно-синие губы и крепкое здоровье? Такие ли люди? На расспросы брата «они» отвечали лишь усмешкой и уклончивым «сам всё увидишь».

Осталось три дня.

В городе прошёл последний дождь. Ближайшие трое суток, пока не ударят морозы, лужи и не подумают просохнуть. А потом гололёд, переломы, травмпункт, аварии, смерть... Нет ничего хорошего в зиме. И почему власти не объявляют длинные каникулы, чтобы никто не выходил на улицу месяц, пережидая гололёд, сидя в своих уютных, тёплых квартирках? Нет! Им намного легче спихнуть стариков в могилы, чтобы прикарманить их пенсии, а дурную молодёжь покалечить, чтобы неповадно было. Такова их политика? Нет, нет, нет! Зима определённно самый ужасный промежуток времени, тянущийся долгих девять месяцев. Вот вам и «комфорт для народа». Аж жить опротивело!

– Слушай, может быть, хватит уже? – начал раздражаться один из братьев. – Там – внизу – нет ничего особенного. Люди как люди, звери как звери, дома как дома, а работы непочатый край. Нам хватит, поверь!

– Как бы не растаял от такого усердия, – поддержал другой брат. – Ишь как круги намаывает?

А он не обращал внимания на их насмешки – всё продолжал бродить туда-сюда, гневно переставляя ноги, даже не слушая, что говорят «они». А в голове только одна мысль: «Скоро. Скоро. Скоро. Скоро. Скоро. Я знаю это – уже очень скоро».

Но это его «скоро» затягивалось на долгие часы, и он то и дело поглядывал вниз, чтобы рассмотреть за непроглядной пеленой вьюги неведомый мир, с которым он должен был встретиться.

«Скоро, – всё более гневно проносилось в его мыслях. – Скоро, уже скоро! Время! Скоро!»

И вот наступил тот самый день – первый месяц зимы.

Он уже был готов нырнуть в облако холода, сорваться с места с детской улыбкой радости на устах, но ему преградили дорогу.

– Фрост! – неодобрительно рявкнул Главный и погладил свою косматую густую бороду. – Куда это ты намылился, а?

– Что значит куда? – Фрост нахмурился и отступил на шаг. – В город!

– А правила построения тебе никто не объяснял? – старик украдкой усмехнулся.

– Да всё мне объяснили! Но разве можно на такую глупость тратить целых три часа?

– Фрост, мальчик мой, – снисходительно пробормотал Главный и, приобняв незадачливого ученика за плечи, склонился к его уху. – У нас целых девять месяцев. Успеешь ты на своих людей насмотреться! Даже разочароваться в них успеешь. К чему спешка? И в конце концов, такие правила. Это традиция. Так что будь добр, встань в свой ряд и дождись сигнала.

Фрост многое хотел сказать, но воздержался. Чем больше пререканий будет, тем дольше ему придётся проторчать в своей очереди. Он покорно встал в свой ряд по стойке смирно и стал смотреть в затылок впереди стоящего. Его негодование росло с каждой секундой, словно кто-то щекотал его горло изнутри, чтобы медленно выкурить его гнев в пространство – сюда, где все «они» собрались над облаком вьюги.

Хорошо, что собрались, ведь иначе он никогда бы не узнал, насколько много существует «их», подобных ему самому. Такие непохожие друг на друга, но всё же имеющие общие признаки, например тёмно-синие губы и снежно-белую кожу. Ха... А он-то имел глупость думать, что один такой – Фрост из Пустоты – сын зимы, что во всей Вселенной больше не найдётся таких, как он. Но было это как-то странно... Фросту большинство из присутствующих показались абсолютно симметричными, словно наштампованные. Только здесь он в полной мере ощутил свою индивидуальность, которая выражалась в ярко-зелёных глазах и молочно-белых волосах, в то время как у остальных они были чернее той темноты, в которой он сам вырос.

– Опять одно и то же, – услышал он рядом и повернул голову, чтобы рассмотреть брата получше.

Тот ничем особенным не отличался – та же безупречная статуя, но было в нём что-то другое... слишком живой взгляд для обыкновенного сына зимы. «Кукла с душой», – мгновенно нашёлся Фрост с подходящим эпитетом для своего незнакомого родственника.

– И почему нельзя отправить меня в какое-нибудь другое место? – он не обратил внимания на то, что его разглядывают. – В Австралию, например. Или в Венгрию. Уже столько лет я дежурю в этом городе. Одно и то же! Серость! – презрительно добавил он и покачал головой.

– А где находится Австралия?

Сын зимы вздрогнул от неожиданности.

– Южное полушарие восточной части планеты – почти около Антарктики. Это в Тихом океане, – ответил он и дружелюбно улыбнулся. – Там тепло было когда-то, пока Зима не учредила её одним из наших материков, так что минус пять – десять там гарантировано каждую зиму, – он выпрямился и посмотрел вперёд, но вдруг передумал заканчивать разговор и с новым приливом детской радости продолжил. – А ты знаешь, что сейчас там в самом разгаре лето?

– Лето? – удивился Фрост, не знавший особенностей планеты, на которую его занесло. – Разве такое возможно? В смысле сейчас ведь зима, так?

Брат рассмеялся.

– Всё дело в том, что там – другое полушарие, и всё в Австралии наоборот. Там даже собаки не гавкают, а воют, как волки. А-у-у-у-у! – изобразил он и рассмеялся. – Там очень интересно. Видел как-то пролётом через Россию.

Фрост настолько увлёкся рассказом, что только с пятого раза расслышал замечание Главного, который уже начал терять всё своё безграничное терпение.

– Фрост! Трифора! – прорычал он. – Три шага вперёд!

Братья переглянулись и повиновались.

– Ваше поведение вынуждает меня пойти на крайние меры, – сверкнув глазами, громко отчеканил Главный. – Вы двое выступаете первыми. Прямо сейчас. Пошли!

Тот, кого звали Трифора, побледнел, что было заметно даже на его безупречно-белом лице, а вот счастью Фроста не было предела. Он подступил ближе к краю облака и приготовился к прыжку, но тут вспомнил о своём новом знакомом и помедлил. Фрост взглянул в его лицо и тут же поник. Такого страха он не ожидал от бывалого сына зимы.

– На старт! – прогремел Главный.

Фрост сгруппировался, будто собрался прыгать с парашютом. Трифора последовал его примеру с некоторой заминкой.

– Внимание!

Нервы Фроста сдали, и он сиганул вниз. Сверху раздались изумлённые вздохи, но что ему было до их страха? Он был в восторге!

Свежий ветер режущей волной ударил ему в лицо и засмеялся серебряными колокольчиками в уши. Фрост падал всё ниже и ниже, любясь каждой снежинкой. Он распростёр руки и улыбнулся, представляя, как вскоре разобьётся о почву миллионами льдинок, а затем воскреснет снежными узорами на дереве, принимая свой обычный облик.

Вдруг его ударили по голове. Изумлённый Фрост посмотрел влево и увидел Трифору, который метал в него молнии взглядом чёрных глаз.

– Совсем ошалел, да? – перекрикивая ветер, сказал сын зимы.

– А что я такого сделал?

– Ты когда-нибудь падал?

– Нет.

– Тогда скоро поймёшь свою глупость. Смотри!

Фрост только успел повернуть голову вниз, как лишился зрения. Он разбился, почувствовав такую боль, которая может сравниться только с мигмом вечной смерти. Он потерялся –

совсем потерялся внутри этой боли, будто сам стал ею, будто сам, подобно изодрённому мазохисту, бичевал себя, отдирая куски плоти от костей. Разве боль бывает такой?..

Но скоро. Скоро всё закончилось, и Фрост очнулся на ветке голого дерева где-то в центральном парке города. Зрение отказывалось фокусироваться на каком-нибудь одном предмете, и стоило только взращённому пустотой посмотреть вперёд себя, всё расплывалось в огромном уродливом цветном пятне, вездесущем, как раздражение и замешательство в душе Фроста.

– Хватит! – огрызнулся он на пятно и закрыл лицо руками, оказавшись в долгожданной тёмной пустоте своего детства.

Главный расхохотался.

– Фрост, Фрост, – слышались его громкие шаги. – Я же говорил, что торопиться некуда. Всегда так с вами, новичками. Говоришь, говоришь, а чувство такое, будто со стенкой разговариваешь.

Фрост убрал ладони от глаз и повторил свою попытку прояснить зрение. На этот раз его замысел увенчался успехом – вместо пятна появились слегка расплывчатые образы, окружённые тусклым свечением, а затем и это прошло, и он увидел город...

Он увидел аккуратненький парк с вечнозелёными и лиственными деревьями, которые, к великому несчастью, облетели. Увидел воду на асфальте, такую тёплую, что даже поёжился от неприятных ощущений. Увидел выключенный на зимний сезон фонтан, поставленный здесь в память о победе над каким-то государством. Увидел снегирей, которые жадно набрасывались на скудные плоды сирени. Увидел высокие узенькие дома древней постройки. Увидел собаку, чёрную, как его шапка. Увидел всё, но только не тех, за кем так рвался в город, – он не увидел людей.

Заметив разочарование Фроста, Главный подошёл к нему и ободряюще потрепал за плечо.

– Не переживай, сынок, – он окинул гордым взглядом свои владения и выдохнул холодный воздух. – Сейчас люди на улицу носу не покажут – боятся гололёда и холода. Да и вообще, они особо приход зимы не жалуют, – он причмокнул своими пухлыми губами. – По крайней мере, у нас есть возможность осмотреться! Ведь на ближайшие десять лет этот город – ваш дом и офис, ваша работа и жизнь. Скажу сразу, – он отошёл от Фроста, чтобы разглядеть всех своих подопечных, – что я особа строгая и требовательная, так что никаких отклонений в планах не потерплю, тем более откровенного непослушания. Старички знают, о чём я толкую, – он бросил насмешливый косой взгляд в сторону Трифоры и остальных, которых Фрост сначала даже не заметил. – Итак, правило первое, – важным тоном продолжил он. – Никакой самодеятельности. Сначала шаблоны, а потом творчество в разумных пределах. Правило второе. Я ваша мать, я ваш батя, я ваша жизнь и ваш наставник до конца этой зимы, то есть за ближайшие девять месяцев я должен натаскать вас, как цепных собак! Развить в вас талант Зимы и выпустить в открытое плаванье куда-нибудь в Антарктиду или Антарктику – по вашему усмотрению, там уже не мне решать. Правило третье. Никаких близких контактов с людьми. Мы слишком холодны для них, что зачастую чревато летальными исходами... Не смейте вестись на смазливых девиц, ибо это верный шаг в могилу. Люди нас не жалуют в этом городе. И как обычно, на сладенькое правило четвёртое. Преднамеренное убийство карается смертью, кого бы вы ни посмели уничтожить – своего брата или человека, но со вторыми уже срабатывает правило номер три. Есть вопросы? – он обвёл всех пристальным взглядом, который говорил сам за себя, и, довольный, расплылся в улыбке. – Тогда добро пожаловать в город, сыны зимы!

После столь торжественного введения в курс дела «они» разбрелись в стороны, обратившись порывистыми вихрями снежной бури. Только Фрост, замороженный красотой облетевшего дерева и красивого света тусклого солнца, остался на своём месте, замер на долгое время

и даже не понимал, дышит ли вообще. Скорее всего, он не дышал, ведь клубы белого пара не вылетали из его рта и носа. Он даже не сразу заметил, что тёмная ветка дерева, на котором он весьма удобно расположился, начала покрываться инеем, а вода, ещё не просохшая на блестящем асфальте, постепенно обращалась в лёд.

Он решил никуда не торопиться. Просто прогуливался по парку, пристально наблюдая за процессами оледенения, выстраивая всё более сложные узоры шестигранников, развешанных гирляндами на фонарных столбах и брошенных расписным, узорчатым ковром на пожелтевшей траве. Каждый его шаг сопровождался лёгким потрескиванием миллиметрового льда, каждый вдох был наполнен арктическим холодом. С наступлением зимы он и его братья становились хозяевами города и всего мира.

На его белоснежных волосах и густых чёрных ресницах начали образовываться кристаллики тонкого инея, роскошными крохотными бриллиантами сверкавшие на нём. Было невозможно ответить на вопрос, например, такого плана: «Кто он? Откуда он пришёл? Что это вообще такое? Выглядит как человек, но разве человек может быть настолько холодным?»

Фрост посмотрел себе под ноги и тут же замер. Его внимание привлёк опавший золотой лист дуба, который неведомо по чьей воле был оставлен на асфальте до прихода сыновей зимы. Он поднял лист и покрутил его между пальцев. Какая симметрия! Какая неровная и сумбурная идеальность! Это не снежинки, в которых нет ничего лишнего или неправильного, нет. Это нечто живое, то самое, что не поддаётся законам идеальной пространственной геометрии, что не должно быть венцом творения архитектора, – это то единственное, которое допускает в себе спонтанность, какой-то милый и неопишуемый изъян, вызывающий восхищение. Как пустота, по сути своей идеальная, но всё же издающая звуки. Фрост был поражён до глубины души, но процесс, производимый его телом, был необратим... Листок вмиг почернел, покрылся колким льдом, окончательно потерял всю сохранённую для смерти влагу и свернулся в некрасивую спираль.

По щеке Фроста покатила слеза, тут же застывшая. Он смахнул с лица лёд и аккуратно, будто трупик ребёнка, положил дубовый лист на то, что раньше называлось газоном. Ему сделалось очень грустно. Так вот что имел в виду Главный, когда говорил, что люди их не жалуют. Они могут убить, даже не желая этого, просто неосторожно коснувшись живого: раз – и всё, тишина. И нет дыхания, и нет ничего прекрасного. Только мертвенная чернота и запах тлена.

Вот Фрост никогда не сможет истлеть. Он может только превратиться в воду, но это лишь второе состояние его жизни – он в любом случае будет жив, пусть и не посмеет осознавать этого. Вода – это жизнь, а капля воды – это капля жизни.

Капля жизни... капля воды в океане. Фрост станет тысячей – миллиардами! – частиц воды, сольётся с остальными, кто тоже когда-то имел неосторожность выйти под палящий свет солнца, и потеряет себя. Станет тем, что есть самое чистое, – ничем. Чистой мыслью, без преобразований, просто идеальной в своей симметрии, пустой и наполненной одновременно. Будет так... когда-нибудь. Когда Фросту надоест болтаться по земле, во что сейчас он даже не верил. Не верил, потому что сегодня его первый день здесь. В этом городе, который даже не имел названия. Просто город.

Фрост вновь усмехнулся. Как глубоко завела его смерть и без того мёртвого существа. Не стоит так бурно на это реагировать. Всего лишь прах – красивый прах, не потерявший своей сущности после гибели.

Фрост закрыл глаза и постарался представить себе дуб, заросший красивыми зелёными сочными резными листьями, мерцающими в свете яркого солнца, которое так нежно касается холодной щеки, проникает вглубь, разрушает сложные химические и биологические связи его тела... Сама картина прекрасна – последствия пугающие.

– Эй!

Фрост отшатнулся, вздрогнув, и резко распахнул глаза, пытаясь найти источник странного звука... Приятный такой, не грубый, как у остальных, даже не низкий – около среднего уровня, но всё же выше тона на два, не принадлежащий кому-то взрослому.

– Эй! – повторно и более протяжно позвали его откуда-то из-за спины, и Фрост почувствовал горячее прикосновение неизвестного объекта.

Он резко обернулся, стараясь совсем не дышать, но этого ему делать было и не нужно. Такое заморозит любого.

Человек.

Существо свежее, тёплое, с розоватым цветом кожи и румянцем на щеках. А насколько похожее на сыновей зимы! Просто невероятное совпадение, за исключением цвета кожи, температуры тела, цвета губ (у человека они почти алые), ногтей и волос. Ногти тоже розоватые, волосы тёмно-каштановые, густые, похожие по своей структуре на кору дерева – дуба, например. И такое тёплое, обжигающее дыхание...

Фрост отлетел от него на полтора шага, чтобы ненароком не заморозить до смерти, а затем, не в состоянии разговаривать, просто уставился в глаза своему новому знакомому.

Существо немного смешалось.

– Прости, – человек улыбнулся. – Я тебя напугала?

«Напугала», – тут же проанализировал Фрост и понял, что перед ним стоит женщина. Да нет, не женщина – ещё совсем молодая девушка. По меркам универсума её жизнь являлась сотой частью миллисекунды, но здесь – на Земле – ей было около девятнадцати или двадцати. Несмотря на анализ, Фрост так и не смог ничего ответить. Он даже не смог пошевелиться.

Девушка смутилась ещё сильнее.

– Извини, – отрывисто произнесла она, отводя выпавшую прядку каштановых волос за аккуратное ушко. – Не хотела, чтобы так вышло. Ты ведь приезжий, да?

Фрост отступил ещё на шаг. Нельзя ни дышать, ни говорить с ней на таком расстоянии. Она очень быстро замёрзнет – тем более у неё нет шапки, что может говорить о скоростности процессов теплопотерь, что в конце концов приведёт к обморожению и так далее...

– О... – она уставилась себе в ноги. – Ладно... Я тогда... пойду... наверное...

И развернулась.

– Постой! – вырвалось у Фроста, и он тут же пожалел об этом.

Вот она уже разворачивается на пятках, улыбается и подходит настолько близко, что Фрост может ощущать её тепло. Фрост тут же выкинул руки вперёд, чтобы остановить незнакомку, и та, несмотря на удивление, повиновалась.

– Прости, – он учтиво поклонился и уставился себе в ноги, а густые ресницы упали на его неестественно-белое лицо. – Я не хотел грубить... Жаль, что так неловко получилось, – он слишком резко вскинул голову, и девушка вздрогнула от неожиданно-пристального взгляда изумрудных глаз. – Я Фрост.

– Приятно познакомиться. Я Катинка, – она дружелюбно улыбнулась и протянула руку, но её странный знакомый лишь отступил на четверть шага.

– Катинка, – повторил Фрост и улыбнулся. – Какое странное имя для этих мест.

– Ах, это... – она тихонько рассмеялась. – Меня называли в честь матери. Может, ты когда и слышал о такой поэтессе. Она румынка, – сказала она со странным напором, готовая в любой момент натолкнуться на волну негодования со стороны собеседника.

– Имя очень красивое, – он улыбнулся в очередной раз и вновь отступил на несколько сантиметров.

Девушка в свою очередь приблизилась на шаг, и Фроста снова окатило её живым теплом.

«Невежливо отступать, как бы плохо ты себя ни чувствовал», – сказал он себе и твёрдо решил, что больше не сделает ни шага назад.

– Так откуда ты? – остановившись в метре от него, повторила свой первый вопрос Катинка.

– Почему тебя это интересует?

– Я собираю информацию о вымирающих классах нашего общества, – кивнула она сама себе. – Например, о готике. Ты ведь относишься к этой субкультуре?

– Я? Нет.

– Но, – она смешалась, – ты выглядишь как классический гот начала нашего столетия.

– На мне нет ни грамма грима, – честно сказал Фрост, на что девушка ответила звонким смехом. Фрост не мог понять, почему она смеётся.

– А ты шутник! Хорошо вжился в роль, правда.

– Ни во что я не вживался, – он нахмурился, и его густые чёрные брови идеальной формы с геометрической точностью сошлись на тонкой переносице.

– Ладно, как хочешь, – она развела руками и мотнула головой, давая понять, что сдаётся.

– Ты мне не веришь? – удивился Фрост и чуть не сделал шаг вперёд, но тут же одумался.

– Верю, верю, – с тоном в стиле «чего пристал?» ответила Катинка. – Так откуда ты?

– Из пустоты, – честно ответил он, что вновь повлекло за собой улыбку собеседницы. – Да что ты улыбаешься? – раздражённо спросил Фрост. – Неужели так сложно в это поверить?

– Если честно, да, – она склонила голову набок и чуть прищурилась. – А ты можешь хоть как-то доказать, что твои слова – правда? – и, прежде чем Фрост успел просто кивнуть, продолжила. – Вот, – она протянула ему пластиковую бутылку с водой, – если это не грим, то он даже не растечётся, – она стала подходить ближе, но он остановил её жестом. – Почему ты не хочешь, чтобы я подходила ближе?

– Просто брось мне бутылку и всё поймёшь сама, – он настойчиво кивнул и протянул руку.

Катинка пожала плечами и сделала, как ей велели.

Фрост ловко поймал брошенный ему предмет и с моментальной скоростью открутил крышку, чтобы вода потекла на его ладонь. Но... этого не произошло. Катинка с немим ужасом и изумлением наблюдала за тем, как вода прямо в руках знакомого превратилась в лёд, только сосуд коснулся его кожи.

– Видишь? – он улыбнулся краешком рта, не отводя взора ото льда. – Я мог бы сделать этот процесс более медленным, но тебе нужно было всё и сразу. Прости, если напугал.

Катинка чуть присела, готовая в любой момент упасть на голый асфальт. Фрост, тут же услышавший шорохи, молниеносно подскочил к девушке, подхватил её на руки, чтобы через миг посадить на ближайшую лавочку, и тут же отошёл на достаточное расстояние, чтобы не заморозить человека. Катинка поёжилась, не успев даже заметить, что произошло.

– Как... – начала она, ошарашенно оглядываясь по сторонам, – когда ты успел?..

– Только что, – Фрост уселся на асфальт, который тут же покрылся под ним тонкой наледью.

Катинка наблюдала, как быстро застывают капельки воды на его волосах, как синееет дорога под его ногами, и закрыла глаза, чтобы придти в себя.

– Прости, Катинка, – вздохнул он и уставился в землю. – Как-то неправильно получается. Мой первый опыт общения с людьми – и уже провальный...

– Не то слово!

Фрост вздрогнул, как от сильного удара, и робко поднял на девушку свои искристые зелёные глаза. В своих же отражениях (глаза у девушки тоже были ярко-изумрудного цвета) он нашёл холод, несравнимый даже с его собственным, страх и ненависть. Фрост вздохнул и отвёл взор, чтобы не наткнуться на всю эту тяжёлую груду человеческих эмоций.

– Ты сама попросила меня доказать, вот я и доказал.

– А иначе никак нельзя было?! – взорвалась она. – Ты мне чуть руки не отморозил! Вот! – она протянула вперёд свои запястья, на которых красовались синяки и морозные ожоги.

– Прости, – только и успел вставить он.

– Да кто ты вообще такой? Из какой дыры явился?!

– Во-первых, не из дыры, а из пустоты, – он посмотрел на неё исподлобья, отчего на душе у девушки похолодело. – Во-вторых, я уже сказал, что ты первый человек, которого я вообще вижу, так что будь ко мне понисходительнее. Это всё касаясь поправок. А вот о том, кто я, тебе лучше и не знать. И так перепугана до смерти.

– Говори уж! – выпалила Катинка, но уже без бывшего гнева.

– Нас называют сыновьями зимы – здесь, по крайней мере, – нехотя выдавил из себя Фрост. – Где-то морозиками, насколько я помню, но это прозвище школяров, а не мастеров.

– А ты, значит, мастер, – усмехнулась Катинка.

Он кивнул.

– И в какой же области?

– Просто мастер. Умею разрисовывать окна, деревья, – он посмотрел на небо и чуть заметно улыбнулся. – Умею придавать форму ночным облакам и зажигать новые звёзды, – он вновь обратил взор на свою напуганную собеседницу. – Фокусы с водой ты уже видела. У меня очень много талантов.

– И при этом, постоянно работая на земле, ты ни разу не видел людей? – усмехнулась девушка, но уже без агрессии, а с чистым интересом.

– Я впервые на этой планете, – он скрестил руки на груди, сев в позу лотоса. – Это мой первый выход из пустоты.

– Стоп, – она мило нахмурилась. – А тогда как ты стал мастером?

– Я был им с самого начала. Ещё до создания я был запланирован мастером.

– Всем бы так! – фыркнула девушка и чуть поёжилась от холода. – Это из-за тебя в городе зима?

– Ну, я не один здесь.

– Вас много?

– «Нас», – он намеренно выделил это слово и улыбнулся, – много.

– А почему я только тебя в городе видела?

– А почему только ты по улицам ходишь? – язвительно ответил он вопросом на вопрос.

– Поняла, – стеснительно улыбнулась она. – Тема снимается.

– А действительно, почему ты одна во всём городе не боишься гололёда и холода? Или чего-то в этом роде?

– Я люблю зиму, – призналась Катинка и улыбнулась своему новому знакомому.

– Правда? – он удивился. – А почему тогда меня испугалась?

– Ну, знаешь, – она нахмурилась и поёрзала на месте. – Не каждый день такие трюки увидишь. Нельзя так с людьми! У нас психика слабая.

– Это я заметил, – усмехнулся Фрост.

– Скажи, – спросила она после минут глупого молчания, – а почему ты такой... холодный?

– Я же сын зимы! – рассмеялся Фрост, умиленно глядя в зелёные глаза Катинки. – От создательницы мне досталась вся сила, так что примерная температура моего тела составляет двадцать три градуса, дыхание зависит от атмосферы и температуры окружающей среды... Иногда приходится опускать свою температуру до критического уровня – восемнадцать градусов, но в таком состоянии я почти при смерти.

– С ума сойти! – выдохнула девушка. – А как тогда... ну... структура твоего тела – ты, наверное, очень твёрдый?

– Камень всё равно будет твёрже. Хотя... смотря с чем сравнивать.

– Например?

– Плотность моего тела примерно равна плотности мрамора – белого, без примесей, с правильным строением кристаллической решётки. В физику углубляться не буду.

– Откуда ты столько всего знаешь? Ведь ты никогда не был в других мирах!

– Пустота рассказала.

– Она разговаривает?

– Ты не услышала бы. Твой слух довольно... примитивен, – сказал он мягко, чтобы не обидеть. – Реакция замедленна, средняя скорость... – он хмыкнул и сделал заминку: – В общем, сама знаешь. Зрение очень слабое, возможностей почти никаких, но, – он поднял указательный палец, чтобы не дать возможность Катинке высказать своё несогласие, – у вас есть талант созидания и разрушения, как и у нас, так что в чём-то вы можете с нами сравниться.

– Ах, значит, люди вам в подмётки не годятся, – возмущённо вскрикнула девушка.

– Я всего лишь говорил, что у нас разная природа, следовательно, различные недостатки и достоинства. Это всё.

– У вас есть недостатки?

– Полно. Например, высокомерие, гордыня, чувство собственного превосходства, необщительность, неспособность на общение с кем-либо из... живого мира.

Катинка улыбнулась, еле подавляя смех.

– Почему ты боишься проявлять свои эмоции? – спросил Фрост. – Ведь эмоция – это единственное, что избавляет нас от ненужной энергии, например от одиночества.

– Я так не думаю.

– Почему?

– Так... легче выжить в обществе, которое тебя окружает.

– Общество?

– Да. Так называется наш социум. Все люди, которые живут на Земле. То же самое по своей сущности, что и твоя... как называется?

– Семья.

– Да, семья. У вас ведь есть какие-то моральные правила, чувство долга, желание прибиться к какой-то группке или что-то вроде того...

Фрост с большой неохотой вспомнил утренний сбор и те небольшие группы братьев, которые предпочитали держаться друг от друга на красноречивом расстоянии.

– Да, что-то есть в твоих словах. Но мне это чуждо. Я сам по себе.

– Так не бывает, – она покачала головой. – Должен же быть хоть кто-то?

– Ты.

Катинка покраснела.

– Я сказал что-то дурное?

– Нет, – быстро обнадежила его девушка. – Просто...

– Если действительно просто, то можешь говорить.

– Ты так странно понимаешь фразы, – призналась девушка и коротко рассмеялась, но в следующий миг вновь вернулась к своему смущению. – Мы только встретились.

– Это является помехой общению?

– Нет.

– Так что мешает быть друзьями?

– Я же тебя совсем не знаю!

– Вообще-то, – он улыбнулся, – ты единственный человек в городе, который хорошо меня знает.

Катинка вновь улыбнулась.

– Всё происходит слишком быстро, – наконец нашлась она. – Так просто не бывает.

– Правда? – удивился Фрост. – Мне так не казалось. А сколько должно пройти времени, чтобы стать друзьями?

– Ну... – смутилась девушка, не ожидавшая такой реакции. – Неделя, две, месяц... Зависит всё от человека, с которым общаешься.

– А какой срок зависит от меня?

– Поживём – увидим. Так говорят здесь.

– Я здесь буду жить девять месяцев, пока зима не кончится, а потом вернусь обратно.

– Насовсем? – голос Катинки дрогнул и сорвался, а сама она с изумлением спрятала взор.

– Нет, – он улыбнулся. – Я вернусь с наступлением новой зимы, так что можешь быть спокойна, – он замолчал. – Если, конечно, меня не переведут куда-нибудь в другие места, но это очень маловероятно, поскольку обычный испытательный срок мастеров на одном месте занимает десять лет.

– Так много?

– Это ещё минимум, – Фрост вздохнул, но после улыбнулся. – В любом случае, если мне надоест пожизненная работа, я смогу либо вернуться в пустоту, либо стать водой до скончания вечности.

– Зачем?

– Это довольно интересное состояние. Полное равновесие с космосом – ни одному живому существу этого не понять.

– А как долго ты живёшь?

– Моя жизнь временем не измеряется.

– Бессмертие?

– В чистом своём виде.

– Жуть!

Фрост внимательно посмотрел на неё, но на лице девушки были только восхищение и доброе удивление. Какое интересное живое удивление... такое человеческое. Он сфотографировал в своей памяти эти черты, чтобы не забыть их уже никогда.

– Почему ты так пристально за мной наблюдаешь? – спросила она.

– Чтобы запомнить всё в тебе, – честно ответил Фрост. Он вообще врать никогда не умел.

– Но зачем?

– Мне интересна симметрия этого мира. Она просто поразительна! Такое несоответствие идеальной пропорции, но при этом намного правильнее всего, что я когда-либо видел. В вашем мире всё имеет изъян, но он настолько милый и живой, что становится намного привлекательнее кристалликов льда.

– И во мне есть геометрические изъяны?

– Много, – он прищурился и задумчиво вздохнул. – Но они тебе до ужаса идут. Без них ты бы не была человеком.

Катинка улыбнулась.

– А если рассудить, то все мы состоим из шестигранников – каждая часть тела по отдельности, вот только рёбра этих шестигранников имеют различную длину, что делает плоскости уникальными. Я, например, ещё никогда не видел идеального куба, – он усмехнулся. – Такого и существовать не может.

– А как же цветы? Они же не похожи на шестигранники!

– Цветы?

– Цветы.

– А что это такое?

– Ты не знаешь, что такое цветы? – глаза девушки округлились от изумления.

Фрост отрицательно покачал головой.

– Ты очень много потерял, – трагичность тона не помешала ей улыбнуться. – А что касается идеального куба, вот, держи!

Она покопалась в своей плетёной сумке и достала кубик Рубика. Уже секунду спустя шестигранный предмет оказался в руках у Фроста. Он покрутил его из стороны в сторону, оценивая взглядом сложность головоломки, затем усмехнулся и пятью лёгкими движениями привёл в соответствие все шесть сторон.

– Это не идеальный куб, – констатировал он, бросив головоломку на лавку около Катинки. – погоди! – остановил он, когда рука девушки потянулась за предметом. – Подожди, пока отогреется.

– А что тогда можно считать идеальным кубом? – справляясь с изумлением – Катинка пыталась собрать головоломку целый месяц! – спросила она.

– Полное соответствие соединения противоположащих линий всех вершин, – ответил он, – точное пересечение их в центре пустоты и устремление их в вечность через продолжение плоскостей.

– Нас в школе не так учили.

– Мало ли чему вас учили в школе. Так есть правильно, и не мною это сказано, а пустотой.

– А что, пустота всегда права?

– Да, ибо её не существует, но она вездесуща.

– Даже здесь – в этом парке?

– Да.

– А как же тогда воздух, деревья, почва, планета, наконец?

– Степень заполненности пустоты природу её не меняет. Она всё равно пустота, что бы ни говорили другие существа, считая, что своим присутствием они её ликвидируют.

– Да как такое может быть! – возмутилась Катинка и всплеснула руками.

– Это абсолютная истина, – Фрост снова улыбнулся. – Ты можешь отрицать её, желать, чтобы её не было, но на существование истины это никак не влияет. Ей твоё неверие ничего не сделает.

– Ах так! – девушка упёрлась руками в бока. – Тогда можешь передать своей пустоте, что я в неё не верю!

– Она тебя слышит. Вопрос в том, слушает ли. Она и меня-то с небольшой охотой слушает время от времени. Только рассказывает, рассказывает, а я слушаю и слушаю, пока не усну от перегрузки информацией.

– Значит, у тебя прямое сообщение с космосом, – усмехнулась она и скрестила руки на груди.

– Можно и так сказать, если выразаться простыми словами.

Они замолчали вновь.

– А ты можешь построить идеальный куб? – наконец спросила девушка.

– Могу, но на Земле нет таких материалов, из которых я смог бы выстроить модель.

– А какие материалы тебе нужны?

– Четырёхмерная музыка из двадцати нот, а ещё пара вспомогательных октав из трёхмерной, – он сложил руки в замок и устремил взгляд в пустоту. – Даже если я смогу построить такой куб, ты не сможешь оценить его по достоинству – ты просто не увидишь его.

– Четырёхмерная музыка? – изумилась Катинка. – Такое возможно? Да ещё и двадцатью нотами! С ума сойти...

– Люди мало знают о музыке. Люди вообще мало что знают, но до всего хотят докопаться, не имея на то особого потенциала, который заглушается ленью.

– Но мы сделали столько открытий! – бросилась на защиту своего рода девушка. – Мы совершаем полёты в космос! Человек смог отыскать лекарство от чумы XXI века и уже подби-

рается к разгадке рака! Как ты можешь утверждать, что мы глупы и бессильны, совершенно не зная нашей истории?

– Разве я сказал, что эта глупость вас унижает? – Фрост улыбнулся. – У каждого народа есть свой путь развития, который придаёт им индивидуальность. Я просто говорю, что пока вы пытаетесь прыгнуть выше своей головы, разрабатывая генную инженерию. Вы думаете, что с помощью четырёх букв сможете раскрыть тайны мироздания?

– Мы уже научились продлять жизнь на триста лет. Научились программировать будущий зародыш на определённые знания, научились корректировать его внешность и...

– Это верхушки, – мягко перебил её сын зимы. – А вы научились менять его сознание? Научились ли программировать его следующие реинкарнации, по крайней мере на восемь вперёд? Научились ли перераспределять его потребности в воздухе и органической пище так, чтобы отсрочить конец цивилизации худо-бедно на триста лет? Или научились делать таких людей, которые могут питаться светом солнца или прочих звёзд независимо от времени суток?

– Ну всё, хватит, – насупившись, буркнула Катинка. – Твоя взяла – мы тупые приматы.

– Вы вовсе не тупые.

По воздуху разлетелся звон огромного серебряного колокола, отчего Фрост поморщился. Зачем так громко? Они что, глухие?

– Мне пора, – он поднялся на ноги и поклонился Катинке.

– Как? – с беспокойством спросила она, выпрямляя затёкшие ноги. – Уже?

– Зовут, – Фрост кивнул себе за спину и усмехнулся. – Работа началась, конец безделью.

– Когда я увижу тебя снова?

– Завтра, – он улыбнулся. – Мне пора. Сегодня лучше посиди дома, чтобы я не беспокоился за твоё здоровье – скоро станет очень холодно.

Колокол зазвенел ещё громче, отчего Фросту пришлось зажать одно ухо.

– Да слышу я! – рявкнул он на невидимого Главного.

– Хорошо, – улыбнулась Катинка. – Обещаю, что и носу на улицу не покажу. Пока!

И девушка, не успевшая даже сказать последнего слова, вздрогнула от мимолетного исчезновения нового знакомого, вместо которого у земли завихрился только снежный ветер, который стремглав помчался прочь по остуженным улицам города.

Он пролетел очень далеко, прежде чем оказаться на общей точке сбора – на крыше старого, заброшенного дома. Фрост закружился около самого шпиля, а когда почувствовал, что до черепицы осталось около метра, принял своё обыкновенное обличье и аккуратно сел на ненадёжный козырёк крыши. Его братья были здесь – почти все новички и несколько школяров, тех самых морозиков, о которых так любят рассказывать детям. Трифора сидел в самом дальнем ряду, а когда Фрост попытался кивнуть ему в знак приветствия, отвёл взор, демонстративно глубоко укутавшись в свой пышный белый шарф. Фрост лишь удивлённо посмотрел на брата, а потом начал слушать уроки Главного, в которых не нуждался.

– Итак, дорогие мои болваны, – громко начал седой старик, обращаясь к школярам. – Кто мне скажет, какова по структуре своей вода и как построить из неё правильный шестигранник, имеющий форму солнечного затмения?

Фрост уже знал ответ, но зачем говорить? Нужно, чтобы дети сами докопались до сути, – им полезно.

Один из морозиков вскинул белую руку, и Главный тут же повёл в его сторону короткой тростью с круглым прозрачным набалдашником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.